

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 33, Is. 5, pp. 111–129, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-111-129
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 391

One Object of Worship from the Oirat Monastery of Dechenravjaaling (Uvs Aimag, Mongolia)

Elza P. Bakaeva ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Abstract. The article deals with a special object of worship kept in the Oirat monastery of Dechenravjaaling (Uvs Province, Mongolia). The object is a ceremonial robe of the Supreme Lama (Oir., Mong. *Khambo Lama*) Luvsannamkhai who had founded the mentioned monastery in 1736. Following the Buddhist tradition his ceremonial robe has been worshipped as a symbol of the line of transmission of the teaching within the monastery, and before the latter was closed in 1937 every *Khambo Lama* could put the robe — *lavshig* — on only on solemn occasions. The paper concludes that the monastic clothes of the first abbot of Dechenravjaaling monastery are actually a handmade wool wrap coat (the twilled cloth being only 20 cm wide) with a satin silk lining and a special collar that comprises both quilted and velvet elements. The garment is generally designed after South Siberian sewing patterns. However, the asymmetrical wrap sides of the coat, the bias of the collar on the outer wrap side, and the replaceable hoof-like cuffs are typical for the Mongolian tradition. Luvsannamkhai's ceremonial garment meets the requirements introduced by the 1st Bodg Gegeen towards monastic clothes. The home handloom-weaving technology, widespread in the region in the 18th century, predetermined the specific properties of the cloth which corresponds to the early Buddhist tradition of making monastic robes from cloth patches (straps). The hand sewing was also determined by the period when the garment was made and proceeded from the Buddhist tradition prescribing that monastic robes were to be sewn by hand. Still, it is safe to say the sewing pattern and some peculiarities of Luvsannamkhai's robe also mirror ancient Oirat traditions since South Siberian modes of dress were popular enough among the Western Mongols. The garment can be referred to the *lavshig* cluster inherent to Mongolian culture. In general, in terms of proportions its is similar to Kalmyk *lavshigs* dated back to the late 19th century, which may provide evidence of some common origins.

The work covers the issues of traditional Buddhist views on monastic clothes and worship of articles of clothing by the Oirats, reveals some peculiarities of the cloth and sewing pattern of the *Khambo Lama*'s ceremonial robe testifying to its old age and the use of handlooms; one can also learn about definite ideas related to its color symbolism. The conclusion is that within the Oirat Buddhist tradition, ceremonial monastic clothing was similar enough to that of the Mongols and vaguely similar to that of the Kalmyks.

Keywords: Buddhism, objects of worship, monastery, ceremonial robe, Oirats, traditions, Mongolian folk costume, Kalmyk folk costume.

Буддийский монастырь Дэчинравжаалин, расположенный в городе Улангоме Убсунурского аймака Монголии, — центральный монастырь в аймаке. Основанный еще в XVIII в., к началу XX в. он являлся крупным монастырем: так, в 1930 г. в нем числилось свыше 1 600 лам [Сүхбаатар 2000: 43; Бакаева, Орлова и др. 2015: 118]. Но в 1930-е гг. этот монастырь, как и другие, подвергся закрытию и был разрушен; ламы, служившие в нем, подверглись репрессиям. Рубежным стал 1937 год, когда тысячи буддийских священнослужителей были репрессированы [История Монголии 2007: 103], а к началу 1940-х гг. в «МНР ламство как многотысячное могущественное сословие перестало существовать, исчезли сотни монастырей и храмов» [Хишигт 2011: 31]. В 1990-е гг., в период возрождения буддийских институтов в Монголии, началось и возрождение монастыря Дэчинравжаалин. На территории монастыря появились новые культовые объекты, регулярно стали проводиться службы в молельной каменной юрте, являющейся и поныне основным храмом монастыря. В ближайшее время планируется завершение строительства и открытие нового главного храма монастыря, который станет и религиозным, и культурным центром Улангома и всего Убсунурского аймака. Благодаря этому событию появилась уникальная возможность познакомиться с одной из главных святынь монастыря — монашеским одеянием XVIII в.

Город Улангом и его буддийский монастырь научные сотрудники КалмНЦ РАН посещали не раз, в том числе во время экспедиций, проводившихся по проектам, поддержанным в разные годы РГНФ и РНФ. По результатам проведенного сбора материалов и интервью с буддийскими священнослужителями опубликован ряд работ, посвященных культуре ойратов [Бакаева, Орлова и др. 2015; Бакаева 2015а, 2015б; Музраева 2015а; 2015б; Орлова 2015а; 2015б; 2016; Орлова, Бакаева, Музраева 2016; Топалова 2016; Бакаева, Орлова, Музраева и др. 2016; и др.], в числе которых — посвященная и монастырю Дэчинравжаалин [Бакаева, Орлова 2014]. В разных работах освещались особенности архитектуры нового храма, поклонения буддийскому божеству Лхамо как божеству-покровителю монастыря [Бакаева, Орлова и др. 2015], вопросы традиционности одеяния буддийской скульптуры Будды Шакьямуни из монастыря Дэчинрав-

жаалин [Бакаева 2016б]. С монахами этого монастыря, а также его настоятелями (хамбо-ламами, действующим и работавшими на этом посту ранее) состоялись встречи и интервью [Бакаева 2014; и др.]. Однако до настоящего времени нам не удавалось познакомиться с одной из главных святынь, которую ныне хранит да-лама Г. Чимэддорж — ученик Хархүүгийн Гаадана (1923–2007), хамбо-ламы (1980–1990) главного монастыря Монголии — Гандантэгчинлин [Орлова 2015б: 34]. В работах монгольских авторов, посвященных буддийским монастырям Монголии [Монголын сүм хийдийн ... 2009; и др.], также не освещалась информация об уникальном предмете, который является объектом поклонения и представляет особый интерес в связи с изучением вопросов истории костюма ойратов и монголов.

Как отмечают монгольские авторы, Дэчинравжаалин располагается на территории, входившей в прошлом кочевья дербетского Далай-хана в хошуне Зорикту хана. В литературе упоминаются разные даты основания храма: 1757, 1754 гг. [Майдар 1970: 215; Бакаева, Орлова 2014]; а также 1747 г. [Сүхбаатар 2014: 92] и 1755 г. [Монголын Сүм Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл], но основание всегда связывается с личностью монаха, которого в монастыре называли *Лам аав* (лама-отец). В ранее опубликованной нашей статье на основе сведений, записанных от информанта, отмечалось, что Лам аав был тибетцем [Бакаева, Орлова 2014]. Однако другие данные, из монгольских публикаций (также основанных на устной традиции), свидетельствуют о том, что он был ойратом, который совершил паломничество в Тибет и основал монастырь. Так, в сведениях, опубликованных по проекту «Монголын сүм хийдин түүхэн товчоо төсөл», сообщается: «...модон гахай (1755 он) жил энэ газрын Лам аав хэмээх алдартай Лувсаннамхай Баруун Зуугийн газар явж Жиг хийдийн зураг тэг, дэг жаягтай танилцаж буцаж ирээд тэр газрын журам дэглэм бас энэ газрын ёс заншил аль алиныг бодолцож тохируулан Чогчин хурал дуган үүсгэж өөрийн биеэр Ханбо сууж аажимдаа Улаангомд суурьшин „Дэчинравжаалин“ хийд» «в год дерева-свиньи (1755 г.) [происходивший] из этого края называемый Ламой-отцом известный Лувсаннамхай-лама отправился в западный Тибет и ознакомился [там] с уставом, распорядком дацана Чже [монастыря Сэра. — Э. Б.]; вернувшись, по правилам

Рис. 1. Храм монастыря Дэчинравжаалин (2013 г.)

этого монастыря основал Цогчин дуган и стал настоятелем (хамбо-ламой); так постепенно был основан улангомский монастырь Дэчинравжаалин¹ [Монголын Сүм Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл]. В разделе «Краткой истории монгольских монастырей и храмов», посвященном Убсунурскому аймаку, даются сведения, что в 1755 г. «Дөрвөдийн аав хэмээх Лувсаннамхай Төвдийн Баруун хуугийн газар мөргөл хийж ирээд Сэра Жэ дацангийн дагуу хурлаа үүсгэн байгуулав» ‘Дербетский Лувсаннамхай, называвшийся «отцом», совершил паломничество в Западный Тибет основал монастырь по образцу Чже дацана¹ монастыря Сэра’» [Бурханы шашны сүм хийдүүд 2009: 683–696; Монголын сүм хийдин ... 2009: 693]. Постепенно были основаны и другие дацаны этого монастыря: в 1879 г. — Чойра дацан, в 1910 г. — Дуйнхор (Дүйнхор) дацан, в 1918 г. — Джуд (Жүд) дацан, в 1920 г. — Манба дацан и Джанрайсиг (Жанрайсиг) дацан, в 1922 г. — Лайчин дацанг [Бурханы шашны сүм хийдүүд: 693–696]. На. Сухэбаатар приводит монгольские названия семи дацанов монастыря: Цогчин дацан — Дэчинравжаалин,

Цаннид дацан — Дэчинчойхорлин, Дуйнхор дацан — Ивам чойнхордэчиндаржаалин, Джуд дацан — Сангаадаржаалин, Манба дацан — Хүрэгжамбаалин, Джанрайсиг дацан — Гэмпилчойлин, Лайчин дацан — Санчигдэжидбичилшавдалин [Сүхбаатар 2014: 92], а также данные о десяти дуганах (включая дуганы, посвященные первому хамбо-ламе Лам аав и собранию Ганджура) и субурга-нах, кроме храмов дацанов.

По сведениям, опубликованным в «Краткой истории монгольских монастырей и храмов», со времени первого хамбо-ламы этого монастыря до 1920 г. в монастыре служили 25 хамбо-лам [Монголын сүм хийдин ... 2009: 693–696]. Согласно же устной традиции, со времени первого настоятеля монастыря и до закрытия последнего в 1937 г. во главе монастыря было 11 хамбо-лам [ПМА: Г. Чимэддорж]; имя первого настоятеля да-лама этого монастыря Г. Чимэддорж произносит так же, как Луузуннамхай [ПМА].

Таким образом, Лувсаннамхай, судя по замечанию «энэ газрын Лам аав хэмээх алдартай Лувсаннамхай» (букв. ‘этой земли’ прославленный Лувсаннамхай, называвшийся ламой-отцом) [Монголын Сүм

¹ Чже-дацан основан в монастыре Сэра в 1435 г.

Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл] и прямому указанию «дөрвөдийн аав хэмээх Лувсаннамхай» (дербетский Лувсаннамхай, называвшийся отцом) [Бурханы шашны сүм хийдүүд 2009: 683–696; Монголын сүм хийдин ... 2009: 693], являлся выходцем из ойратов и по происхождению был дербетом. Именование отцом (*аав*) человека особо почитаемого, в том числе как основателя, покровителя своих последователей, характерно традиции ойратов и монголов, этикетные нормы которых включают обращение к другому человеку с использованием терминов родства (*эгч* ‘старшая сестра’, *ах* ‘старший брат’, и т. п.) вне зависимости от того, является этот человек кровным родственником или нет. Так, известного монголоведа А. В. Бурдукова (1883–1941), проведшего многие годы среди ойратов-баитов Монголии, местные жители называли *эцэг* (в переводе — ‘отец, дед’ [БАМРС, IV 2002: 439–440]) [ПМА: На. Сүхбаатар, Ц. Дамдинсүрэн]. При этом *эцэг* — более формальный (или официальный) термин, *аав* — более личностное, прямое обращение (подобно различию в русском языке терминов отец и папа). В «Большом академическом монгольско-русском словаре» дается второе значение слова *аав* — «герой-кумир; властитель дум» [БАМРС, I 2001: 2]. Именно во втором значении, несомненно, используется термин *аав* при именовании первого хамбо-ламы дербетского монастыря Дэчинравжаалин.

До настоящего времени в монастыре в качестве реликвии хранится монашеское одеяние ламы Лувсаннамхы, основателя первого — Цогчин — дацана монастыря Дэчинравжаалин. По преданию, ритуальное облачение «ламы-отца» предавалось от одного хамбо-ламы к другому вплоть до 1937 г., когда монастырь в период атеистической борьбы был закрыт. В это время хамбо-ламой являлся Йондон-лама, который передал реликвию своему ученику Равсалу [ПМА: Г. Чимэддорж¹]. Долгие годы монашеское одеяние Лувсаннамхы хранил скрывавший свое ученичество у хамбо-ламы Йондона и ламское прошлое Равсал, ставший известным деятелем искусств, заслуженным художником Монголии (его кисти принадлежит и картина, на которой изображен дербетский монастырь Дэчинрав-

жаалин). В 1981 г. Х. Гаадан (1923–2007), уроженец сомона Тургэн Убсунурского аймака Монголии, дербет по происхождению (в монастыре Дэчинравжаалин воздвигнут субурган в его честь), служивший в молодости в монастыре Төгсбуянт указанного аймака, был избран хамбо-ламой главного монгольского монастыря *Гандан-тэгчинлин* (на этом посту он прослужил до 1990 г.). Поскольку впервые за долгие годы ойратский священнослужитель стал хамбо-ламой, Б. Равсал преподнес ему ламское одеяние первого настоятеля дербетского монастыря [ПМА: Г. Чимэддорж]. Впоследствии, перед своим уходом из жизни в 2007 г., Х. Гаадан передал эту священную реликвию своему ученику Г. Чимэддоржу, который в течение ряда лет является да-ламой (заместителем хамбо-ламы) улангомского монастыря, а также одним из лидеров общности аймака. Как отмечает Г. Чимэддорж, он принадлежит к роду *бадрахн*, идущему от прадеда по имени Бадрах, сын которого являлся девятым хамбо-ламой Дэчинравжаалин [ПМА: Г. Чимэддорж]. Возможно, последнее обстоятельство явилось одной из причин передачи Х. Гааданом реликвии именно Г. Чимэддоржу.

По словам Г. Чимэддоржа, одеяние первого хамбо-ламы является одной из святынь монастыря, и в новом большом улангомском храме, открытие которого планируется, руководство монастыря намерено выделить отдельное помещение для размещения в нем указанного ламского одеяния. Считается, что в этой одежде сохраняется энергия предыдущих хамбо-лам, и прикосновение к ней подобно получению от них благословения.

Активная деятельность Г. Чимэддоржа по строительству нового улангомского храма началась в том же году, когда ему была передана реликвия: в 2007 г. были налажены связи с Калмыкией, а в следующем, 2008 г., Г. Чимэддорж впервые встретился с верховным ламой Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче, являющимся перерожденцем особо почитаемого в Монголии Дилова-хутухты. Тогда же был проведен ритуал освящения земли под строительство нового храма, а к следующему визиту Тэло Тулку Ринпоче в 2010 г. был уже готов эскиз проекта храма, и во время пребывания хутухты в Монголии — получено его благословение на строи-

¹ Речь идет о заслуженном художнике Монголии Б. Равсале. В беседе Г. Чимэддорж его называл Цэвдийн Равсал.

Рис. 2. Лама монастыря Джэчинравжаалин с картиной Равсала, изображающей этот монастырь (2013 г.)

тельство большого нового храма монастыря Джэчинравжаалин. В 2013 г. заложен фундамент нового пятиэтажного храма, спроектированного в «монгольском стиле». К 2015 г. были возведены стены, а в 2017 г. предполагается завершение основных работ.

В буддийской традиции монашеское одеяние передается при посвящении от учителя к ученику и является символом передачи учения. Как отмечает Е. Н. Старовойтова, «Монашеское одеяние и в современное время является символом Традиции. При посвящении в монахи-буддисты происходит обязательная торжественная передача монашеского одеяния» [Старовойтова 2009]. В этом аспекте одеяние первого хамбо-ламы монастыря Джэчинравжаалин является подлинным символом передачи традиции в монастыре на протяжении XVIII–XXI вв. Таким образом, в 2007 г., согласно буддийским представлениям, состоялась передача не только священной реликвии, но и традиции передачи учения от хамбо-лам монастыря Джэчинравжаалин, переданной самим Хархүүгийн Гааданом — хамбо-ламой монастыря Гандантэгчинлин.

Правила, связанные с монашеским одеянием, содержатся в разделе устава буддий-

ского канона — Винае; они строго регулируют обычаи владения, изготовления и ношения монахами специальных облачений. Монашеское одеяние положено хранить на алтаре в сложенном виде, и строго запрещено его заносить в ритуально нечистое помещение. Процесс ежедневного облачения в монашеское одеяние включает предварительные поклоны головой в сторону одеяния, снятого с алтаря. Кроме того, «в канонических текстах зафиксировано и рекомендовано для монахов особое отношение к монашескому одеянию: 1. Одеяние как символ традиции. <...> 2. Одеяние как предмет поклонения. <...> 3. Одеяние как способ соответствия канону-образу» [Старовойтова 2009: 76–77].

Сакральное отношение к монашескому одеянию ламы-основателя монастыря, которое сшито более 270 лет назад, проявляется в том, что Г. Чимэддорж за все время хранения реликвии (т. е. за 10 лет) облачался в него всего три раза: впервые — в момент передачи ламского халата Х. Гааданом, когда он совершил обход вокруг субургана в монастыре Гандантэгчинлин, во второй раз — в 2016 г. во время крупной религиозной церемонии, в третий раз — во время покло-

нения священной ступе в месте просветления Будды — Бодхгайе (Индия). Каждый раз ритуал облачения сопровождался обходом вокруг субургана (ступы).

Сакральное отношение к одежде Лувсаннамхы определено как личностью ламы, так и самим монашеским одеянием, которую как реликвию перед ее размещением в новом храме Убсунурского аймака (в г. Улангом) было решено освятить таким путем: привезти ее в Индию на ритуал Калачакры, проведенный в Бодхгайе, затем в Калмыкию, где проживают родственные монгольским ойратам калмыки, впервые получившие возможность поклониться и таким образом «получить благословение» от лам традиции монастыря Дэчинравжаалин.

Благодаря Г. Чимэддоржу у специалистов-монголоведов появилась уникальная возможность изучить уникальный предмет ойратской одежды XVIII в., что имеет особое значение в следующих аспектах:

1. Фиксация особенностей кроя ойратского буддийского монашеского одеяния в аспекте изучения народного костюма ойратов.
2. Фиксация традиции одеяния монгольских буддийских монахов XVIII в. на примере ойратского костюма в аспекте анализа соответствия его принципам и правилам монашеского одеяния у буддийской традиции в целом.

Как отмечает Г. Чимэддорж, одеяние изготовлено из ткани, которая была привезена из Индии или Непала, сшито ручным швом, без применения швейной техники. Ламский халат *лавшиг* отличается *ташуу зах* — воротник, выкроенный по косой линии, так называемый *хиаз¹ зах* — шалевый воротник [БАМРС, IV 2002: 74] с оторочкой из ткани типа бархата (или плиса); важно, что бархатная оторочка (бордюр) — черного цвета, что символично: *хар захта* — *му седкл хартха гигэд* ‘с черным воротом, чтобы выходили все плохие [черные] мысли’ [ПМА: Г. Чимэддорж]. По мнению да-ламы, это ламское одеяние типа дэли (монг. *дээл*) сшито по образцу одежды для высших лам, и правила ношения дэли для монахов были

¹ Хиаз — 1) выпушка; кант; оторочка из шёлка, парчи; хөдсөн хиаз меховая выпушка; хиаз зах воротник шалью; 2) бордюр; позумент; алтан хиаз золотой позумент; 3) подзор; хиаз-тай бүтээлэг покрывало с подзором; хиазлах — 1. оторачивать; ханцуй хиазлах оторачивать рукава; хиазлахуй оторочка [БАМРС, IV 2002: 74]

сформулированы самим Джебцун-дамба-хутухтой I Дзанабадзаром (Богдо-гегяном) [ПМА: Г. Чимэддорж]. Одеяние хамбо-ламы — бордового цвета, как принято в странах «северного» буддизма [Старовойтова 2009: 78], с подкладом белого цвета; с составным воротником (из полосы розовой ткани с орнаментальным рисунком сиреневого цвета, простеганной вдоль на расстоянии через 1 см, и полосы из черного бархата (плиса)); с копытообразными манжетами (снаружи голубыми, с внутренней стороны — черными). Вместе с дэли хранится и красный широкий шелковый пояс.

К основным особенностям кроя рассматриваемого ойратского буддийского монашеского одеяния относятся следующие:

- основное полотно (ткань типа шерсти, бордового цвета) изделия составлено из узких (20 см шириной) полос ткани (по наиболее широкой части спинки, по подолу, — 7 полос, по нижней части правого борта — 3 полосы, по нижней части левого борта — 6 полос, в плечевой и рукавной части — всего по 5 полос);

- ткань подклада (тип атласного шелка белого цвета) — большей ширины, имеет особую тканую кромку, что свидетельствует о ее фабричном и более позднем производстве, нежели ткань бордового цвета; вероятно, что подклад был пришит в более позднее время, чем сшита верхняя часть исследуемого монашеского одеяния;

- соединительные швы между полосами ткани шерстяной верхней части одеяния выполнены встык;

- основные швы располагаются по низу рукавов (длиной 62 см) и бокам (длина 104 см);

- отсутствуют швы по линии плеч;

- рукава длинные, от подмышки до манжета — 62 см, в этой части манжет — 8 см длиной (по плечевой части копытообразные манжеты имеют длину 13 см, при этом расстояние от ворота до края манжеты составляет 111 см); ширина рукава в плечевой части — 28 см;

- все одеяние выполнено искусным ручным швом, мельчайшими и практически невидимыми стежками (на 1 см примерно 15 стежков); подклад прикреплен потайными швами к основной ткани по вертикальным линиям, повторяющим швы прикрепления полос основной ткани;

- одеяние имеет запашной характер, левый борт широкий, застегивается на 6

Рис. 3. Одежда хамбо-ламы монастыря Дэчинравжаалин Лувсаннамхая (XVIII в.)

Рис. 4. Лавшиг хамбо-ламы Лувсаннамхая.
Белым цветом обозначены линии полос основной ткани

Рис. 5. Боковая часть монашеского одеяния лавииг.
Белым цветом обозначены края полос основной шерстяной ткани

Рис. 6. Лавииг хамбо-ламы Лувсаннамхая в сложенном виде

пуговиц: две — в месте соединения двух передних бортов на воротнике по краям отдели (между этими пуговицами — 2,5 см или, в традиционных мерах длины, 2 хуруу (2 пальца шириной); две — на правом боку в области подмышки, расположенные в 10,5 см друг от друга, и еще две — расположенные ниже по краю левого борта (в 34 см от верхней части, где завершается шалевый воротник; в 6 см друг от друга);

— крой асимметричен: левый борт шире правого (по низу изделия — в 2 раза: в нижней части ширина полы составляет 122 см, а ширина правого борта — 58 см) и длиннее его (длина правого борта от плеча до подола — 128,5 см, длина левого борта — 135,5 см, длина спинки — 137 см);

— правый борт более узкий, в боковой части расширен книзу, а по центру имеет прямой край, идущий вниз от воротника; длина этого борта сбоку больше, а по центру его длина на 9 см меньше, чем спинка с этой части;

— левый борт сверху имеет косой срез (по воротнику), завершающийся под правой подмышкой; нижняя часть по размерам соответствует спинке, т. е. ширина подола внизу — 122 см, как и на спинке;

— силуэт расклешенный, по подолу *лавишиг* имеет большую ширину, что обеспечивает свободный ход: общая длина подола составляет 3 м 12 см (по спинке — 122 см, по левой доле — 122 см, по правой доле — 58 см);

— косой воротник шалевого типа, завершающийся под правой подмышкой, состоит из двух частей: полосы из черного бархата/плиса (шириной 7 см, расширенной по левому борту на боку до 10,5 см) и более узкой полосы (4 см) из розовой ткани с крупным орнаментальным рисунком сиреневого цвета (повторяющийся рисунок лотосового типа), простеганной¹ (через 1 см) вдоль всей длины воротника (внутри проложена шерсть);

— воротник составлен из трех частей: шейная и плечевая часть длиной 26 см и шириной от 5 до 6 (по спинной части) см; две нижние части шириной 5 см и длиной по правому борту 34 см, по левому борту — 45,5 см.

— манжеты (из голубой ткани типа атласа с рельефным тканым рисунком в виде

цветов) съемные (нашиты снаружи на рукава), имеют копытообразную форму, в самой высокой части имеют длину 13 см, в узкой части — 6,5 см, объем (длина) манжета — 38 см.

— *лавишиг* имеет пуговицы ручного плетения из шнура;

— красный шелковый пояс представляет собой полосу ткани шириной 113 см и длиной 315 см, что примерно соответствует монгольской традиции мягких поясов из ткани. Он составлен из кусков ткани прямоугольной формы размером 89х113 см, края сложены втрое и закреплены ручным швом. Размеры этого пояса сопоставимы с размерами ритуальных накидок *оркимджи*: так, у современных «знающих» в Калмыкии *оркимджи* обычно представляет собой отрез ткани шириной около полутора метров и длиной около трех метров [Бакаева 2011: 22].

Традиция изготовления монашеской одежды из узких полосок ткани характерна для буддистов. Так, известна в разных буддийских традициях накидка из полос ткани «кашая» или «кеса», которая, к примеру, у японских дзэн-буддистов могла быть повседневной для каждого монаха (и тогда составлялась из пяти полос) или для учителя (мастера, состояла из семи полос); монах-учитель, дарующий посвящение в монахи, для этой церемонии надевал накидку, состоявшую из девяти полос [Старовойтова 2009: 77]. Кесу шили по определенному образцу будущие монахи вручную, определенными стежками, ритуальное значение монашеской одежды отражалось в наличии определенных обрядовых действий, сопровождавших облачение в одеяние и его снятие. Как отмечает Е. Н. Старовойтова, «В традиции Сото-дзэн элементы монашеского одеяния являются символом линии преемственности патриархов... Ракусу — маленькая походная кеса, также выполняемая вручную. Имеет шелковый подклад, на котором мастер пишет имя посвящения и линию преемственности мастеров от Будды до себя» [Старовойтова 2009: 78]. Традиция изготовления ритуальных облачений (в том числе накидок) из кусков ткани восходит к легендам о жизни Будды, который отказывался принимать в дар новые одежды и шил себе платье из выброшенных одежд, поэтому среди буддистов иногда одеяния в прямом смысле сшивались из кусков использованной ткани.

¹ Наличие простеганной с прокладкой натуральной шерсти части воротника обеспечивает сохранение им формы, его твердость.

Лавшиг хамбо-ламы Лувсаннамхая изготвлен из полос шерстяной бордовой ткани, и эта традиция, вероятно, связана с буддийским обычаем изготовления ритуального одеяния из кусков ткани. Вместе с тем особенности кроя связаны не только с обычаями монашеских ограничений, но и с ранними технологиями изготовления тканей. Известно, что ручные ткацкие станки ограничивали ширину ткани шириной размаха руки ткача. Весьма распространены были ткани шириной около 20 см, что определено удобством работы на простейшем ручном станке. Так, В. В. Неелов отмечает, что в Китае, где история ткачества насчитывала тысячелетия, в эпоху централизованных империй ширина многоцветных китайских шелковых тканей не превышала 50 см, «очевидно, эти ткани вырабатывали в императорских мастерских, показатели их свойств регламентировались. Ширина тканей домашнего производства была меньше и достигала даже 20 сантиметров (выделено автором. — Э. П.)» [Неелов 1986]. В коллективной монографии, посвященной культуре китайцев упомянутого периода, авторы также отмечают, что «Ширина ткани зависела от размеров станка, составляя в среднем около 45–50 см. Ширина узорчатых полихромных тканей, производившихся в казенных мастерских, была строго регламентирована и составляла 2 чи и 2 цуня (около 50 см)»; при этом один кусок ткани делали длиной в 4 чжана (около 9 м), и для его изготовления искусной ткачихе требовалось примерно полмесяца [Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983: 160].

Нужно отметить, что техника тканья в принципе не менялась до XVIII в., поскольку во всем мире использовались ручные станки. И лишь в конце XVIII в., в 1780 г., Э. Картрайтом был изобретен механический ткацкий станок. Необходимость ручной работы с челноком, которым на основе прокидываются нити утка, определила то, что обычно ширина полотна в разных регионах распространения ткачества не превышала 50 см, а в домашнем производстве имела меньшую ширину. После изготовления таких узких полос ткани их вручную сшивали, что позволяло изготовить ткань достаточной для пошива ширины. Длина полос ткани после их соединения в одно полотно позволяла свободно кроить наплечную одежду без плечевых швов.

Как отмечает Л. Л. Викторова, ссылаясь на исследование японского ученого С. Умехары, обнаружившего в материалах ноин-улинского могильника ряд вещей, которые имеют «или происхождение, или аналогии с Южной Сибирью, Передней Азией и империей Хань в Китае» [Викторова 1977: 172], «Далекие предки монголов были знакомы и с тканями из шелка и шерсти. Их привозили из Китая и Передней Азии» [Викторова 1980: 32], при этом в XIX в. благодаря интенсивной деятельности китайских торговцев использовались ткани преимущественно китайские [Викторова 1977: 172].

Ткань, из которой сшит ламский лавшиг Лувсаннамхая, — шириной 20 см, что свидетельствует о ее изготовлении на ручном станке и, скорее всего, в домашнем производстве. В процессе изготовления ткани использовано саржевое переплетение, которое дает возможность изготовить плотную и износостойкую ткань. Вероятнее всего, ткань имеет китайское происхождение: в XVIII в. дербеты находились под властью маньчжуров в составе цинского Китая, в 1753 г., накануне основания *Дэчинравжаалин*, они переселились на территорию современного расселения (в район озера Увс, ныне Убсунурский аймак Монголии), где составили население одного сейма (чуулгана) под названием Сайн-заягату [Аюуш 2012: 27; Бакаева 2016а: 44]. Вместе с тем, если исходить из того факта, что Лувсаннамхай совершил паломничество в Тибет накануне основания своего монастыря, можно предположить, что ткань была им привезена из Тибета: традиция преподносить ткань либо монашескую одежду во время церемонии приема была характерна для тибетской традиции. К примеру, побывавший в Тибете калмыцкий паломник Пурдаш Джунгуев упоминает в своем дневнике следующие подарки: «[Панчен-гэгэн] пожаловал [мне]: гашик-тамга¹, епанчу со своего плеча, титим², цанг, цзугийн бадир³, ручную Ямандаку⁴, клеймо

¹ Гашик-тамга — письмо или грамота с официальной печатью.

² Титим (чжодбон) — круглая шапочка, покрытая шелковыми шнурками черного цвета.

³ Цзугийн бадир (т.е. цзуская «бадир аяга») — чаша для сбора подаяния. Обязательный атрибут каждого буддийского монаха.

⁴ Ручная Ямантака — маленькая фигурка Ямандаки, одного из весьма почитаемых божеств буддийского пантеона.

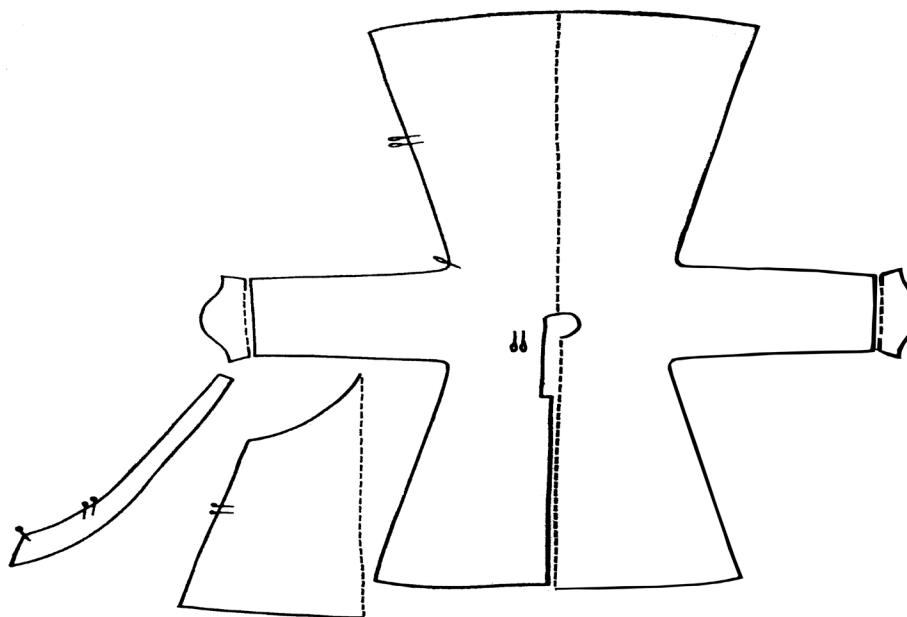

Рис. 7. Схема кроя монгольского ламского одеяния. Слева внизу показана схема дополнительного борта, пришиваемого к левому борту [Викторова 1980: 34]

для скота, рилу шалир¹, один кусок сукна и один хадак. Великий гэбкуй² [монастыря] Даши-лхунбо подарил мне три [вещи]: дагам³, чжогбадэлмэй⁴ и махлай⁵. Гэгэн благословил их и выдал [на них] удостоверение» [Хожделение в Тибет 1988: 147].

Учитывая сложность в изготовлении ткани для кроя анализируемого монашеского одеяния (полосы ткани удобнее использовать для одежды прямого кроя), можно сделать вывод о том, что расклешенный силуэт являлся характерным для национальной традиции. Это обусловило необходимость расширения основного полотна ткани в нижней части ламского *лавишиг* путем добавления коротких, уменьшающихся по длине по краям халата, полос ткани.

По мнению Г. Чимэддоржа, ритуальный *дээл* хамбо-ламы изготовлен по канону, ко-

торый был определен монгольским (халхаским) Джебцун-Дамба-хутухтой. Такая одежда имеет сходство с одеждой мирян, отличаясь некоторыми деталями: ламские одеяния должны быть желтого или красного цвета, иметь другую форму воротника и вырез ворота. Так, монгольский ламский *дээл* не имеет характерный прямоугольный выступ на левом борте в области плеча — *энгэр*, а отличается тем, что по линии ворота вырезана по косой плавно почти до талии; внутренний же борт (правый) срезан по прямой линии от ворота, образуя прямоугольный вырез, куда вшивают воротник. Рукава ламской одежды имели обшлага в форме лошадиного копыта, и отвороты на них выполнялись летом из шелка, а зимой из черного бархата [Викторова 1977: 188–189].

В соответствии с монгольской традицией ламское одеяние должно кроиться без плечевых швов, как одежда мирян. Ширина ткани определяет ширину *дэли*, так как из двух полотнищ кроят две части (перед и спинку), а из третьего полотнища — дополнительную часть для левого (верхнего) борта. Такая система кроя характерна для одежды монголов-мирян и монахов. Анализируемый нами ойратский ламский *лавишиг* XVIII в. отличается по особенностям кроя от обычного монгольского: в нем передний левый борт не имеет надставок по центру, а

¹ Рилу шалир (риллу шарил) — пилюля, в состав которой входит прах (пепел) одного из буддийских святых.

² Гэбкуй — монастырская должность. Гэбкуй обязан был следить за порядком при богослужениях и вообще в монастыре.

³ Дагам — широкий плащ красного или оранжевого цветов, надеваемый монахами при богослужениях.

⁴ Чжогба-дэлмэй — кожаный ремень с украшениями.

⁵ Махлай (малахай) — шапка.

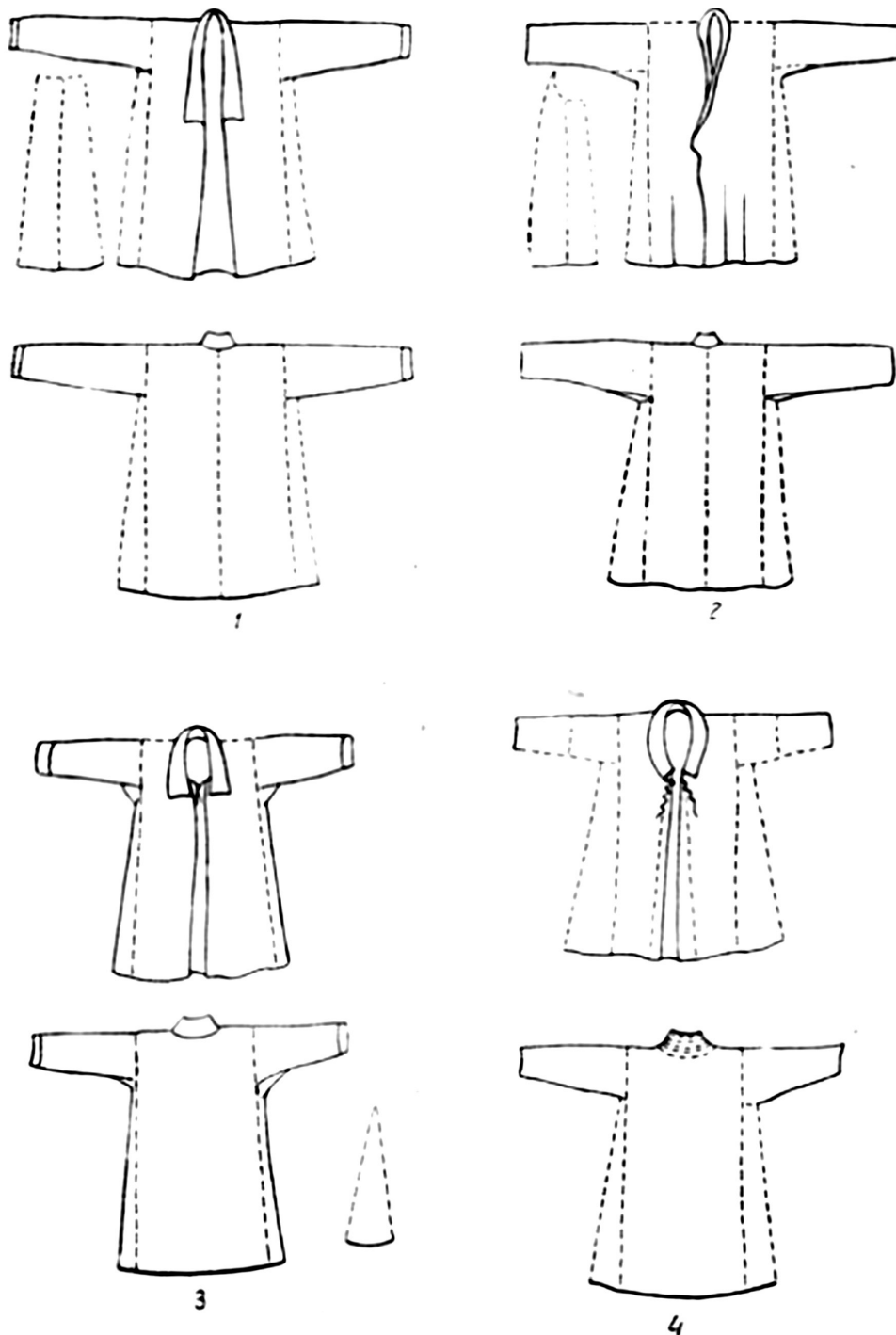

Рис. 8. Иллюстрации из работы Л. П. Потапова [1951: 55]

скроен из соединенного из полос ткани полотна целиком.

Важно отметить: в сравнении с *дээл* мирян, в иллюстрациях к работам В. В. Викторовой [1977: 189; 1980: 34] одеяние ламы изображено несколько расширенным книзу. По данным этого исследователя, силуэт одеяния монгольского ламы достигается че-

рез соблюдение следующих пропорций: соотношение ширины подола к ширине плеча — 3:1; длина по оси симметрии к ширине плеча — 4:3; длина поперечной оси симметрии к продольной — 2:3; ширина рукава к длине — 1:3 [Викторова 1980: 32].

Общая длина по подолу ламского одеяния дербетского настоятеля монастыря

— 312 см — соотносима с шириной подола калмыцких костюмов. Так, в более ранней работе нами был описан распашной халат калмыцкого буддийского священнослужителя из Российского этнографического музея (инв. №369-5): «Нижний халат монаха сшит из хлопчатобумажной ткани желтого цвета, не имеет плечевых швов, борта симметричны. Рукав довольно длинный, двусоставный, плечевая часть — 68 см, локтевая — 29 см, суживающийся к кисти (объем 20 см). По обоим бортам и вороту вшита полоса ткани шириной 8 см, образующая шалеобразный воротник. Борта халата не прямые, они образованы из двух элементов: основной полы, по линии плеча — прямой, но имеющей с внешней стороны внизу выступ. Сбоку к основным бортам и спинке халата вшиты клинообразные дополнительные элементы, также расширяющиеся книзу, соединенные с применением складок к отдельно скроенному элементу для подмышечной области, с треугольной верхней частью. Длина халата — 152 см, ширина подола со стороны спины — 136 см., ширина подола по борту — 102 см (всего длина по подолу — 340 см, что не удивительно, ведь общая длина по подолу юбки *маиг* монаха инв. №190-1 из этой же коллекции — 4 м), ширина плеча — 18 см, длина рукава, немного суживающегося книзу (на уровне локтя — 25 см, у кисти — 20 см), — 97 см. Столь значительная длина рукава известна также и по фотографиям духовенства» [Бакаева 2008: 28].

Пропорциональное соотношение ширины подола и плечевой части, а также особенности кроя распашной одежды с боковыми клинообразными вставками характерны для одежды южносибирских народов (см., например, [Потапов 1951:55]). Крой воротника по косой линии от шейной части к правой подмышке — черта, которая была, по мнению ряда ученых, характерна для раннего типа монгольского костюма, до заимствования от маньчжуров прямоугольного выступа *энгэр* на верхнем борте дэли.

В целом силуэт одеяния дербетского хамбо-ламы Луваннамхая, датируемый XVIII в., имеет сходство с силуэтом упоминавшегося выше ритуального халата калмыцкого священнослужителя из Российского этнографического музея, а также с зафиксированными на фотографиях конца XIX — начала XX в. одеяниями калмыцких монахов. Это свидетельствует о единой ой-

ратской традиции в одежде, восходящей к общему периоду истории западных монголов. Различие состоит в наличии на одеянии Луваннамхая косого разреза на левом борте (и в соответственной форме шалевого воротника), а также в наличии съемных (нашивных) манжет копытообразной формы. В ритуальных одеяниях распашного типа калмыцких монахов воротник прямой, борта имеют одинаковую ширину (симметричны), а манжеты в форме копыт отсутствуют.

Рис. 9. Багши Цаган Ильязтиев
в монашеской одежде

Анализируя особенности воротника на изучаемой нами одежде, следует отметить, что прокладка шерсти и стеганая часть воротника на *лавишиг* дают возможность сделать его более твердым и предупреждают сворачивание или сминание воротника. Вместе с тем обычай обшивать воротник черным простроченным бархатом в Монголии являлся характерным для одежды лам высших степеней, связанных с маньчжурской администрацией [Викторова 1977: 190]. Такая связь первого настоятеля дербетского монастыря с маньчжурской администрацией, о которой свидетельствует отделка черным бархатом воротника его одеяния, на современном этапе не является актуальной, и наличие черного воротника

объясняется исходя из традиционных народных представлений ('черный воротник избавляет от черных мыслей'). Однако известно, что в китайской (и маньчжурской) традиции представителям высших ступеней монашества вменялись некоторые административные обязанности. Переселение же ойратов-дербетов в 1753 г. с территории Джунгарского ханства, оказывавшего сопротивление маньчжурскому Китаю до его разгрома в 1758 г., происходило на территории, уже входившие в Цинскую империю, и потому именно в начале 1750-х гг. имели место тесные контакты дербетской аристократии с маньчжурскими властями. К аристократии этой примыкал и настоятель первого монастыря, открытого на новых территориях, подвластных Цинам.

Одеяние хамбо-ламы Лувсаннамхая Г. Чимэддорж называет в соответствии с монгольской традицией *дээл*. Такого типа монашеское одеяние в калмыцкой традиции называется *лавишиг*, и оно отличается от ойратской одежды мирян, называемой *лавишиг* [Бакаева 2016б]. Особенностью *лавишиг* как церемониального монашеского одеяния, согласно трактовке в словарях, является отсутствие воротника и пояса: «1. захгүй ёст дээл; төвд хэлнээ нөмгөн өмсдөг гадур хувцаасны нэг зүйл; 2. тэрлэг, эрэгтэй хүний зуны дээл» '1. парадное одеяние без воротника; в тибетском языке один из видов верхней одежды, носимый без пояса; 2. тэрлэг, летний мужской халат' [Сүхбаатар 1997: 119]; «la-pa-sha, la-pa-shag — род верхней одежды без пояса» [Рерих 1987: 134–135]. В свете особенностей монгольского костюма, в котором обязательно присутствует воротник-стойка, одеяние Лувсаннамхая можно признать таковым, так как в нем присутствует только *хиаз зах* (воротник шалеобразного типа, оформляющий края бортов); согласно Большому академическому монгольско-русскому словарю, «Лавшиг Lebsi (хуучир. — дэли без стойки (церемониальное)» [БАМРС, II 2001: 297]. Если ойратские монахи придерживались традиции ношения *лавишиг* без пояса, то хранимый вместе с реликвией широкий и длинный кусок красного шелка может быть атрибутирован как ритуальная накидка *оркимджиги*, хотя размеры ткани соответствуют и традиционному монгольскому мягкому поясу, и последние хранители монашеского одеяния считают его именно таковым.

Таким образом, монашеское одеяние первого хамбо-ламы монастыря Дэчинравжаалин представляет собой запашного типа теплую одежду из шерстяной ткани ручного производства (узкой, всего 20 см, по ширине, с саржевым переплетением), с подкладом из атласного шелка, с особым воротником, сочетающим простеганную и бархатную части. Для силуэта и общего кроя этого одеяния характерно соответствие южносибирскому типу одежды. Вместе с тем асимметричные борта одеяния, косая линия воротника на верхнем борте, наличие съемных манжет в форме копыт — характеристики, которые восходят к монгольской традиции. Ламское одеяние Лувсаннамхая соответствует правилам, введенным первым Богдо-гэгэном для одежды монахов. Технология изготовления тканей на ручных домашних станках, широко распространенная в регионе в XVIII в., обусловила специфику ткани, которая соответствует ранней буддийской традиции шитья монашеских одежд из кусков (полос) ткани. Ручное шитье также определено временем изготовления предмета одежды и соответствует буддийской традиции шитья одеяния монахов ручным швом. Однако силуэт и особенности кроя одеяния Лувсаннамхая отражают и древние ойратские традиции, обусловленные распространенностью среди западных монголов южносибирского типа одежды. Можно отнести это одеяние к одежде типа *лавишиг*, которая была характерна для культуры монголов. В целом оно по пропорциям имеет сходство с калмыцкими *лавишиг*, датируемыми концом XIX в., и это свидетельствует об общих традициях.

Одеяние почитаемого ламы, основателя монастыря, ставшего сакральным центром новых кочевьев дербетов, которые переселились в 1753 г. на территорию нынешнего Убсунурского аймака Монголии с территории Джунгарского ханства, является предметом поклонения на протяжении 2,5 столетий. Оно является реликвией для буддистов и являет собой предмет, который свидетельствует о традиции культуры одежды у ойратов XVIII в.

Полевые материалы автора (ПМА)

Дээшин Балдорж, 1973 г. р., баит (борлуд овогта), уроженец сомона Тэс Убсунурского аймака Монголии. Ныне хамбо-лама монастыря Дэчинравжаалин (г. Улангом).

Галдаа Чимэддорж (Чимдээ Отгоо), 1981 г. р., дербет (тугтун овогта, их тугтун, сегтрихн,

- бадрах), уроженец Давст сомона Убсунурского аймака Монголии. Да-лама монастыря Дэчинравжаалин (г. Улангом).
- Намидын Сүхбаатар, дербет (таргад овогта), уроженец сомона Сагил Убсунурского аймака Монголии. Ph.D., доцент Монгольского государственного педагогического университета (г. Улан-Батор).
- Цэрэнгийн Дамдинсүрэн, 1939 г. р., баит (ик цаган тайджи овогта), уроженец сомона Малчин Убсунурского аймака.
- Литература**
- Аюуш Ц. Дөрвөөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 27–106.
- Бакаева Э. П. Об этнических группах дербетов Монголии и калмыков-дербетов // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016а. С. 44–54.
- Бакаева Э. П. К вопросу о традиционности одежды типа лавшиг и бешмет в культуре калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016б. С. 174–186.
- Бакаева Э. П. К проблеме изучения состава ойратских этнических групп и тюрко-монгольских взаимосвязей // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2015а. Ч. 2. С. 114–122.
- Бакаева Э. П. Международная научная экспедиция, посвященная 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова // Восток (Oriens). 2014. № 2. С. 170–172.
- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Бакаева Э. П. Этническая специфика калмыцкого буддизма // Новый исторический вестник. 2011. № 29. С. 16–24.
- Бакаева Э. П. Этническая специфика образа божества Белый старец у ойратов Монголии и калмыков России и современные тенденции в иконографии монгольского буддизма (по материалам полевой экспедиции по Убсунурскому аймаку Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 43–78.
- Бакаева Э. П., Орлова К. В. Буддийский монастырь в Улангоме (по материалам экспедиции в Западную Монголию в 2013 г.) // Бааза-багши — буддист, паломник, просветитель, общественный деятель. Материалы «Круглого стола». Элиста: КалмГУ, 2014. С. 89–98.
- Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций калмыков и западных монголов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н, Энхчимэг Ц. Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 238 с.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. 532 с. М.: Academia, 2002.
- Бурханы шашны сүм хийдүүд: өнгөрсөн ба одоо. Увс // Монголын сүм хийдин түүхэгн товчон. Улаанбаатар: Адмон Пресс, 2009. Х. 683–696.
- Викторова Л. Л. Монгольская одежда // Сборник Музея антропологии и этнографии. Одежда народов Зарубежной Азии. Вып. XXXII. Л.: Наука, Ленинградск. отд., 1977. С. 109–197.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Гедеева Д. Б. Сведения о калмыцкой одежде XVIII в. по материалам архивных документов // Монголоведение. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар». 2002. С. 131–134.
- Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 416 с.
- Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии: очерки по истории. М.: Стройиздат, 1971. 243 с.
- Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 888 х.
- Монголын Сүм Хийдийн Түүхэн Товчоо Төсөл [электронный ресурс] // <http://www.mongoliantemples.org/index.php/en/component/dommm/1739?view=oldtempleen> (дата обращения: 01.09.2017).
- Музраева Д. Н. Лексические материалы к изучению традиционного быта ойратов Западной Монголии (по итогам экспедиции в Убсунурский аймак Монголии в 2015 г.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 8–31.

- Музраева Д. Н. Текст культа Амитаюса из коллекции ламы Мижддоржа, настоятеля монастыря Намирын хийд (Убсунурский аймак Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 96–123.
- Неелов В. В. Ткачество: от плетельных рам до многозвенных машин. М.: Легпромбытиздат, 1986. 176 с.
- Орлова К. В., Бакаева Э. П., Музраева Д. Н. О пяти божествах-покровителях олётв сомона Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 107–108.
- Орлова К. В. К исследованию этнических маркеров дербетов Монголии: текст воскурения «духам-хозяевам» кочевий // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 79–95.
- Орлова К. В. Монастырские комплексы Убсунурского аймака (из материалов экспедиции в 2015 г.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 32–42.
- Орлова К. В. Воскурение нутуку дербетов Монголии // Восток (Oriens). 2016. № 6. С. 132–141.
- Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 9. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 296 с.
- Старовойтова Е. Н. Буддийские монашеские одеяния // Буддизм России. Вып. 42. 2009. С. 72–83.
- Сүхбаатар На. Дөрвөдін Зоригт ханы хошуны Улаангомын хүрээний Дэчинравжаалин хийд // Төгс Буянт монгол зурхайн цаг тоны бичиг. Улаанбаатар: Акспойнт, 2014. 92 х.
- Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар: Адмон ХХК, 1997. 233 х.
- Топалова Д. Ю. О дербетской народной песне «Два алтайских нутука» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 92–101.
- Хишигт Н. Монгольские монастыри: история и современность // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 26–32.
- Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурташ Джунгуева. Часть II. У святынь Тибета / Пер. А. Д. Руднева (Ред. перевода и примеч. А. Г. Сазыкина) // Проблемы монгольской филологии: сб. ст. Элиста: КНИИИФЭ, 1988. С. 135–153.
- Author's field data**
- Deeshin Baldorzh, a Bayad (Oirat) of the Borlud ovog (clan), born 1973 in Tes District of Uvs Province (Mongolia); the current Khambo Lama of Dechenravjaaling monastery (Ulaangom).
- Galdaa Chimeddorzh (Chimdee Otgo), a Dörbet (Oirat) of the Tugtun ovog (Ikhtugtun, Segtrikh, Badrakhn), born 1981 in Davst District of Uvs Province (Mongolia); the *Da-Lama* (Mong. 'deputy abbot') of Dechenravjaaling monastery (Ulaangom).
- Nadmidyn Sükhbaatar, a Dörbet (Oirat) of the Targad ovog, born in Sagil District of Uvs Province (Mongolia); Ph.D., Associate Professor at Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar).
- Tserengiyn Damdinsüren, a Bayad (Oirat) of the Ik Tsagan Taydzhi ovog, born 1939 in Malchin District of Uvs Province (Mongolia).
- References**
- Bol'shoyakademicheskijmongol'sko-russkiyslovar' (BARMS). V 4 tomakh / red. Luvsandendev A., Pyurbeev G. Ts., Tsedendamba Ts. [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary (BAMRS). In 4 vol. Edit. by A. Luvsandendev, G. Ts. Pyurbeev, Ts. Tsedendamba]. Moscow, Academia Publ., 2001, vol. 1. 'A–G', 520 p.; vol. 2 'D–O', 536 p.; vol. 3 'Ö–F', 440 p.; 2001–2002, vol. 4. 'Kh–Ya', 532 p. (In Russ. and Mong.).
- Ayuush Ts. Dörvööd [The Dorbet people]. *Mongol ulsyn ugsaatny zүй. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 27–106 (In Mong.).
- Bakaeva E. P. *Etnicheskaya spetsifika kalmytskogo buddizma* [Ethnic specifics of Kalmyk Buddhism]. *Novyy istoricheskiy vestnik* (The New Historical Bulletin), 2011, No. 29, pp. 16–24 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Etnicheskaya spetsifika obraza bozhestva Belyy starets u oyratov Mongolii i kalmykov Rossii i sovremennye tendentsii v ikonografii mongol'skogo buddizma (po materialam polevoy ekspeditsii po Ubsunurskomu aymaku Mongolii)* [The White Old Man: ethnic specificity of the image among Mongolia's Oirats and Russia's Kalmyks in the context of present-day trends within Mongolian Buddhist iconography (evidence from the field expedition to Uvs Province of Mongolia)].

- Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3. Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015b, pp. 43–78 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Glava 2. Etnicheskie gruppy oyratov Mongolii i kalmykov Rossii, subetnicheskije gruppy altaytsev i tuvintsev: k probleme etnogeneticheskikh svyazey. § 1. Ob etnicheskikh gruppakh derbetov Mongolii i kalmykov-derbetov* [Part 2. Ethnic groups of Mongolia's Oirats and Russia's Kalmyks, sub-ethnic groups of Altaians and Tuvans: revisiting the ethno-genetic relations. § 1. The ethnic groups of Dörbets in Mongolia and Kalmykia (Russia)]. Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N., Sharaeva T. I., Balinova N. V., Khomyakova T. A., Mirzaeva S. V. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [E. P. Bakaeva et al. The trans-border culture: comparative sketches of traditions among the Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016a, pp. 44–54 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K probleme izucheniya sostava oyratskikh etnicheskikh grupp i tyurko-mongol'skikh vzaimosvyazey* [Studies on the structure of Oirat ethnic groups and Turco-Mongolian interrelations revisited]. *Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu B. Kh. Todaevoy* (g. Elista. 23–26 aprelya 2015 g.) [Mongol Studies in the Early 21st Century: the Current Status and Development Prospects. Proc. of the Internat. research conf. celebrating the 100th anniversary of professor B. Todaeva's birth (Elista, 23–26 April 2015)]. Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015a, part 2, pp. 114–122 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K voprosu o traditsionnosti odezhdy tipa lavshig i beshmet v kul'ture kalmykov* [Revisiting the traditional nature of such garments as *lavshig* and *beshmet* in Kalmyk culture]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture], iss. 4, Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016b, pp. 174–186. (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Mezhdunarodnaya nauchnaya ekspeditsiya, posvyashchennaya 130-letiyu co dnya rozhdeniya A. V. Burdukova* [The International research expedition dedicated to the 130th anniversary of A. Burdukov's birth]. *Vostok (Oriens)* (journal), 2014, No. 2, pp. 170–172 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Odezhda v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika* [Clothes in Kalmyk culture: traditions and symbolism]. Elista, Gerel Publ., 2008, 189 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P., Orlova K. V. *Buddiyskiy monastyr' v Ulangome (po materialam ekspeditsii v Zapadnuyu Mongoliyu v 2013 g.)* [The Buddhist monastery of Ulaangom (evidence from the 2013 expedition to Western Mongolia)]. *Baaza-bagshi — buddist, palomnik, prosvetitel', obshchestvennyy deyatel'. Materialy «Kruglogo stola»* [Baaza Bagshi — a Buddhist, Pilgrim, Educator and Public Character. Proc. of the round-table conference]. Elista, Kalmyk State University Press, 2014, pp. 89–98 (In Russ.).
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii i Zapadnoy Mongolii: sakral'nye ob'ekty* [The Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacral objects]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 2015, 238 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N., Sharaeva T. I., Balinova N. V., Khomyakova I. A., Mirzaeva S. V. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [The trans-border culture: comparative sketches of traditions among the Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, 456 p. (In Russ.).
- Burkhany shashny süm khiydüüd: öngörsön ba odoo. *Uvs* [Buddhist monasteries: the past and present]. *Mongolyn süm khiydin tüükhagn tovchon* [The Mongolian monastery]. Ulaanbaatar, Admon Press, 2009, pp. 683–696 (In Mong.).
- Gedeeva D. B. *Svedeniya o kalmytskoy odezhde XVIII av. po materialam arkhivnykh dokumentov* [Data about the 18th century Kalmyk garments: evidence from archival materials]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies. Collected scholarly papers), No. 1, Elista, Dzhangar Publ., 2002, pp. 131–134 (In Russ.).
- Khishigt N. *Mongol'skie monastyri: istoriya i sovremennost'* [Mongolian monasteries: history and contemporaneity]. *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Moskva. 25–26 noyabrya 2010 g.) [Memory of the World: Historical

- and Documentary Heritage of Buddhism. Proc. of the Internat. research and practice conf. (Moscow, 25–26 November 2010)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2011, pp. 26–32 (In Russ.).
- Khozhdenie v Tibet kalmytskogo bakshi Purtash Dzhungruueva. Chast' II. U svyatyn' Tibeta. Perevod A. D. Rudneva (Redaktsiya perevoda i primechaniya A. G. Sazykina)* [Kalmyk Bagshi Purdash Dzhungruuev's pilgrimage to Tibet]. *Problemy mongol'skoy filologii* [Questions of Mongolian philology], 1988, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, pp. 135–153 (In Russ.).
- Kryukov M. V., Perelomov L. S., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. *Drevnie kitaytsy v epokhu tsentralizovannykh imperiy* [The ancient Chinese in the age of centralized empires]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1983, 416 p. (In Russ.).
- Maydar D. *Arkhitectura i gradostroitel'stvo Mongolii* [Mongolia: architecture and urban construction]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1971, 243 p. (In Russ.).
- Mongolyn Süm Khiydiyn Tüükhen Tovchoo Tösöl* [A project of a Mongolian monastery]. Available at: <http://www.mongoliantemples.org/index.php/en/component/dommm/1739?view=oldtempleen> (In Mong.).
- Mongolyn süm khiydin tüükhegn tovchon* [The Mongolian monastery]. Ulaanbaatar, Admon Press, 2009, 888 p. (In Mong.).
- Muzraeva D. N. *Leksicheskie materialy k izucheniyu traditsionnogo byta oyratov Zapadnoy Mongolii (po itogam ekspeditsii v Ubsunurskiy aymak Mongolii v 2015 g.)* [Lexical materials for studies of the traditional life of Western Mongolia's Oirats ...]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015a, pp. 8–31 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Tekst kul'ta Amitayusa iz kollektsii lamy Mizhiddorzhya, nastoyatelya monastyrya Namiryn khiyd (Ubsunurskiy aymak Mongolii)* [A text of the Avalokiteshvara cult from the collection of Lama Mizhiddorji, the abbot of Namiryn Khiyd monastery]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015b, pp. 96–123 (In Russ.).
- Neelov V. V. *Tkachestvo: ot pletel'nykh ram do mnogozvennykh mashin* [Weaving: from wattled frames to multi-sectional mechanisms]. Moscow, 1986. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/nee/lov/tka/che/stvo/index.htm> (In Russ.).
- Orlova K. V. *K issledovaniyu etnicheskikh markerov derbetov Mongolii: tekst voskureniya «dukham-khozyaevam» kocheviy* [Revisiting the ethnic markers of Mongolia's Dörbets: text of the incensing ritual for master spirits of nomadic areas]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015a, pp. 79–95 (In Russ.).
- Orlova K. V., Bakaeva E. P., Muzraeva D. N. *O pyati bozhestvakh-pokrovitelyakh oletov somona Erdenebüren Kobdoskogo aymaka Mongolii* [About the five protector deities of the Olots residing in Erdeniburen District of Khovd Province (Mongolia)]. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoy i regional'noe vzaimodeystvie»* [Humanities in Southern Russian: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd Internat. research conf.]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 107–108 (In Russ.).
- Orlova K. V. *Monastyrskie komplekсы Ubsunurskogo aymaka (iz materialov ekspeditsii v 2015 g.)* [Monastery complexes in Uvs Province ...]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 3, Elista, Kalmyk Humanities Research Institute (RAS) Press, 2015b, pp. 32–42 (In Russ.).
- Orlova K. V. *Voskurenie nutuku derbetov Mongolii* [Dörbets of Mongolia: incense offering to the nutuk (the nomadic territory)]. *Vostok (Oriens)* (journal), 2016, No. 6, pp. 132–141 (In Russ.).
- Rerikh Yu. N. *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami. Vyp. 9* [The Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels. Vol. 9]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1987, 296 p. (In Tib., Russ., Eng.).
- Starovoytova E. N. *Buddiyskie monasheskie odevaniya* [Buddhist monastic garments]. *Buddizm Rossii* (Buddhism of Russia journal), iss. 42, 2009, pp. 72–83 (In Russ.).

- Sükhbaatar Na. *Dörvödin Zorigt khany khoshuny Ulaangomyn khüreeniy Dechinravzhaalin khiyd* [Dechenravjaaling monastery ...]. *Tögs Buyant mongol zurkhayn tsag tony bichig* [Mongolian astrology ...]. Ulaanbaatar, Akspoynt Publ., 2014, 92 p. (In Mong.).
- Sükhbaatar O. *Mongol khelniy khar' ügiyn tol'* [The mirror of the Mongolian word]. Ulaanbaatar, Admon Publ. Ltd., 1997, 233 p. (In Mong.).
- Topalova D. Yu. *O derbetskoy narodnoy pesne «Dva altayskikh nutuka»* [About the Dörbet folk song 'Two Altaian Nutuks']. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sb. nauch. trudov* [The Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture. Collected scholarly papers], iss. 4, Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 92–101 (In Russ.).
- Viktorova L. L. *Mongol'skaya odezhda* [Mongolian garments]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii. Vyp. XXXII* [Bulletin of the Museum of Anthropology and Ethnography. Garments of foreign Asian peoples. Iss. XXXII]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 109–197 (In Russ.).
- Viktorova L. L. *Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury* [The Mongols. Origins of the ethnos and culture]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 224 p. (In Russ.).

УДК 391

ОБ ОДНОМ ПРЕДМЕТЕ ПОКЛОНЕНИЯ ИЗ ОЙРАТСКОГО МОНАСТЫРЯ ДЭЧИНРАВЖААЛИН (Убсунурский аймак Монголии)

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ доктор исторических наук, заместитель директора, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особому предмету почитания, хранящемуся в буддийском ойратском монастыре Дэчинравжаалин в Убсунурском аймаке Монголии. Предмет представляет собой ритуальное облачение верховного ламы (хамбо-ламы) по имени Лувсаннамхай, которым был основан указанный монастырь в 1736 г. Согласно буддийской традиции, его ритуальное одеяние стало почитаться как символ традиции передачи учения в качестве одной из святынь монастыря, и каждый из хамбо-лам, служивших в нем до закрытия монастыря в 1937 г., мог лишь в особо торжественные моменты облачаться в ритуальный халат лавшиг.

В работе освещаются вопросы, связанные с традиционными буддийскими воззрениями на облачение монахов, почитанием предмета одежды ойратами. Выявляются особенности материала и кроя ритуального халата хамбо-ламы, которые свидетельствуют о его раннем происхождении, использовании ручного ткацкого станка при изготовлении ткани, из которой он сшит, а также об особых представлениях, связанных с его цветовой символикой. Сделан вывод о том, что в буддийской традиции ойратов ритуальное облачение монахов имело сходство костюмом монгольских лам и некоторое сходство с калмыцкой традицией одежды.

Ключевые слова: буддизм, предметы культа, монастырь, ритуальная одежда, ойраты, традиции, монгольский костюм, калмыцкий костюм.